

СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЕ СОБОРЫ

ревний Сольвычегодск — один из старейших городских центров Русского Севера. Появление в XV в. первых поселенцев на берегу Соляного озера и реки Усолки было связано с соляным промыслом. Это поселение и явилось зародышем будущей Соли Вычегодской.

«Когда и кем город Соль-Вычегодская построен, за потраченными в 1716 г. во время пожара переписными книгами точно сказать не можно, а за достоверное почитать должно, что соляные ключи в самом городе находящиеся первого были причиною в сей лесистой стороне поселения, от которых и заимствование свое город имеет», — так писал в 1771 г. побывавший в Сольвычегодске «академик и медицины доктор» Иван Лепехин.

Поселение у Соляного озера — Усолье (т. е. у Соли) быстро росло: заниматься соляным промыслом было выгодно, спрос на соль в Московской Руси быстро увеличивался. Скоро оно располагалось по значительной площади от устья Усолки до устья реки Черной. Здесь и там бурили скважины, ставили дома и хозяйственные постройки, стараясь быть поближе к столбовой дороге края — реке Вычегде.

Крупный многолюдный посад нуждался в крепости, куда во время военной опасности могли бы укрыться жители. Первоначально крепость — деревянный рубленый город Чернигов построили на мысу при впадении в Вычегду реки Черной. «В которые годы поставлен того неведомо...» — говорит о нем так называемый «Сольвычегодский летописец» («Летописец о граде и о посаде

(6) Булкин В., Овсянников О., 1991

Соли-Вычегодской» хранится в Отделе рукописей и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), составленный в начале XVIII в. местным жителем и в хронологическом порядке перечисляющий наиболее важные события местной истории XVI—XVII вв., но дает точную дату гибели города — Чернигов сгорел в 1546 г.

Записи в документе свидетельствуют, что внутри крепости стояла церковь Иоанна Предтечи, над одними воротами в проезжей башне находилась икона Нерукотворного Спаса, а над другими — икона Георгия (писал в 1543 г. иконник Андрей Васильев). Далее «Сольвычегодский летописец» сообщает, что у Соли Вычегодской у реки Вычегды, на поскотине близ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы был поставлен в 1581 г. город (кремль) Выбор. А в писцовых книгах Афанасия Вельяминова и дьяка Ивана Григорьева в 1586 г. описаны стоящие в центре города храм Вознесения с приделом Михаила Архангела и храм святых царей Константина и Елены, упоминается, что на «передней» городской стене стояла воротная башня, а над воротами висела икона «Спасов образ икона нерукотворного образа Христа Черниговская». Писцовые же книги называют город Выбор «старым городищем» (место, где некогда был город), а это значило, что к моменту переписи 1586 г. город Выбор был уже разрушен и не являлся боеспособной крепостью. По очень краткому описанию остатков крепости попробуем составить о нем представление.

Город стоял на мысу, образованном Вычегдой и впадающей в нее рекой Черной. Стены его состояли из городен — примыкавших друг к другу бревенчатых срубов. Одни из них могли быть засыпаны землей, другие использованы под жилье и хозяйственные помещения. В передней части городен были сделаны бойницы. Город имел несколько башен, одна из них была проезжей. Как видим, деревоземляная крепость Выбор была типичным образцом русского оборонительного зодчества XVI в.

В 1650 г. царь Федор Иванович отписал «Вычегодские Соли от земли Устюжанские и повеле ведатися тому Усолюю присуды порознь...». Так официально царским указом посад называется Солюю Вычегодской и признается самостоятельным крупным административным центром большого Сольвычегодского уезда.

В конце XVI—XVII в. Соль Вычегодская стала настоящими воротами в Сибирь: ежегодно уходили дорогой в Верхотурье десятки обозов, увозя за Урал серпы и топоры, сапожные скобы и ножи, судовые снасти, вологодский лен и важские неводы, вязаную одежду, деревянную и глиняную посуду. Через Соль Вычегодскую в сибирские «незванные земли» уходили многие русские землепроходцы. Дежнев в 1648 г. дошел до северо-восточной оконечности азиатского материка и открыл пролив между Азией и Америкой. Е. Хабаров прошел самым коротким путем из Якутска до реки Амур. В 1697 г. В. Атласов побывал на Камчатке и описал ее.

В XVII в. на Сольвычегодском посаде была сосредоточена торговля «мягкой рухлядью». Сюда к октябрю возвращались промышленники из Сибири, и начинался оживленный пушной торг. Здесь проходила основная распродажа сибирских мехов, что было закреплено царской грамотой.

На посаде работали многочисленные кузнецы, котельники, изготовлявшие медные котлы, медные чаши и ведра для «кружечного двора», где хранились государственные винные запасы. В XVI—XVII вв. высокий уровень развития северного кузнечного ремесла немало способствовал экономическому росту поморских городов, превращению их в крупнейшие торгово-ремесленные центры. Особую группу сольвычегодских ремесленников составляли «кузнецы по золу и серебру», как называли ювелиров в Древней Руси. Они обрабатывали главным образом серебро, широко использовали при изготовлении украшений и финифть. «Финифть усольского дела» была известна и ценилась на Руси.

Сольвычегодск вошел в историю, будучи неразрывно связанным с фамилией крупнейших северных феодалов, промышленников и купцов Строгановых. Из Соли Вычегодской интересы Строгановых простирались не только на земли и варницы соседей, но и в пермские и зауральские земли, влиятельные купцы вели широкую торговлю по всей Руси. В самой Соли Вычегодской на посаде им принадлежали варницы и лавки, обширные хоромы с сотнями холопов, занимавшихся кузнечным, ювелирным ремеслом, солеваренным промыслом, иконописью. Однако летопись крупнейшего торгово-ремесленного центра на Вычегде — это прежде всего летопись созидательного труда многих поколений тружеников — землепроход-

цев, промышленников, солеваров, каменщиков, кузнецов, ювелиров, иконников.

Центром Соли Вычегодской была торговая площадь — самое оживленное место посада. На площади располагались торговые ряды с лавками, в которых торговали розничными привозными товарами и изделиями местного ремесла, таможенная изба. Тут же стоял и государев гостиный двор, где хранились привезенные товары, и две съезжие избы, в которых воеводы вершили суд. Весь посад делился на «концы», или «стороны», — Никольскую и Троицкую, они в свою очередь состояли из улиц и переулков. Во второй половине XVII в., когда от острога уже остались отдельные башни, в Горной улице стояли государев зеленый двор, обнесенный сосновым тыном, двор «на проезд приказных людей» и двор ямской «на проезд всяких людей усольского уезду». Напротив церкви Климента папы Римского, в Кабацкой улице, стоял воеводский двор — официальная резиденция сольвычегодского воеводы. Письменные источники упоминают улицы Полянскую, Береговую, Березовскую, Прямую, Ворыпаху и переулки, в которых стояли дворы посадских людей. Была улица, которая называлась Строгановой. Сохранились любопытные сведения о ширине сольвычегодских улиц и переулков — улицы поперек были по 3 и 4 сажени, а переулки 1—1,5 сажени. Дворы стояли по обе стороны улицы, почти к каждому двору примыкал «огородец». На посаде дворовые места, лавки, амбары и варницы имели посадские люди и монастыри — местный Введенский и иногородние Николо-Коряжемский, Устюжский Михайло-Архангельский.

В облике Соли Вычегодской, как и в любом древнерусском городе, большую роль играли культовые здания — церкви и монастыри. Возвышаясь своими шатрами и куполами над посадской застройкой, они создавали неповторимый силуэт северного города, стоящего на берегу широкой стремительной реки.

Сведения о древнейших культовых постройках Соли Вычегодской относятся к первой половине XVI в. По переписной книге 1645 г. у Соли насчитывалось 16 церквей, в 1657 г. их было уже 17. Размах церковного деревянного строительства в конце XVI и XVII в. связан с бурным ростом сольвычегодского посада, с расширением его территории и увеличением населения. Храмы возводили жители различных «концов» посада во из-

бавление от моров и по обету — в честь благополучного возвращения из далеких промышленных экспедиций. Деревянные постройки того времени до наших дней не дошли. Последние уцелевшие от многочисленных пожаров три деревянные церкви — Богородицы Одигитрии (1596), Прокопия Устюжского (1603) и Параскевы погибли во время грозы в 1726 г. Судьба памятников каменного зодчества оказалась более счастливой, они прожили долгую жизнь.

Одним из таких памятников древнего Сольвычегодска, вошедшим в классическое наследие древнерусского каменного зодчества, является Благовещенский собор (Благовещения Пресвятой Богородицы). И сейчас при подходе к городу с запада, со стороны Устюга и Котласа, внимание путешественника властно приковывает громада собора. Здание великолепно поставлено и беспрекословно царит над зеркалом водной глади стремительной Вычегды и широкой равниной ее правого берега, на котором расположен город. Разрушались окружавшие собор деревянные постройки, острог с башнями, заплыл когда-то окружавший эту территорию ров, пересохла речка Усолка, отделявшая городскую часть от посада. И только собор — немой свидетель далекого прошлого — по-прежнему торжественно и величаво возносит свои главы над тихими окрестностями.

Надпись-летопись на стене внутри собора гласит, что заслуга этой первой в Соли Вычегодской каменной постройки принадлежит Строгановым: «...а стави сей храм своею казною Иоанникий Федоров сын Строганов и его дети Яков, Григорий и Симеон и его внучата Максим Яковлев сын, да Никита Григорьев сын, да Андрей и Петр Семеновы дети Строгановы и по себе на память и на поминок ныне и впредь». Решение поставить храм возникло у родоначальника фамилии именитых людей задолго до официальной закладки храма. В 1558 г. Аника Строганов получил благословение от архиепископа Ростовского на сооружение «храма с приделами» и вместе с разрешением икону «Благовещение» для будущего собора, а в 1560 г. началось строительство. Такого размаха работ еще не видели и не знали в Соли Вычегодской. В хозяйстве Строгановых появились в связи со строительством новые службы — шли розыски залежей хороших глин, десятки людей обжигали кирпич, строгановские люди и наемные посадские кузнецы ковали для небывалого еще на сольвычегодской

земле здания толстые железные связи и затейливые узорчатые решетки и двери. На специально построенных ладьях к строительной площадке подвозились глыбы известняка, их поднимали на берег, обтесывали, подгоняли друг к другу.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что место постановки храма и его главные особенности определялись требованиями заказчика. Постройка была одновременно и главным храмом города, и центральным звеном строгановской усадьбы, находившейся к северу от церкви. Такое соединение собора и жилых хором не было редкостью для Древней Руси. Достаточно вспомнить дворец князя Андрея с церковью Рождества 60-х годов XII в. в Боголюбове под Владимиром, сочетавшиеся с Никольским собором хоромы новгородского князя Мстислава Владимировича, Благовещенский собор и княжеские палаты в Московском Кремле. Строгановы следовали давней строительной традиции.

Собор был освящен лишь в 1584 г. Это значит, что строительство растянулось почти на 24 года. Уже в 1565 г. рядом с собором ставятся деревянные хоромы. Вероятно, основные каменные работы к этому времени были завершены.

Двухэтажный массив здания собора увенчан пятью гранеными главами на барабанах такой же формы. С трех сторон храм опоясан двухъярусными пристройками. Далеко на восток выдаются массивные полуцилиндры трех апсид, а с западной стороны собора, явно отличаясь от древних своими классическими формами, высятся громадная колокольня, возведенная в начале XIX в. на месте более скромной по размеру первоначальной. К числу поздних переделок относятся и граненые главы и барабан, они заменили обычные для древнерусского зодчества XVI в. цилиндрические барабаны и шлемовидные главы. После пожара 1819 г. серьезной перестройке подверглись северная и южная галереи, с восточной стороны появились контрфорсы.

Представить облик храма до перестроек XIX в. можно по его изображению на панораме Сольвычегодска 1793 г., выполненной местным художником Афанасием Чудиновым для книги местного же историка Алексея Ивановича Соскина (1761—1822) «История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен». Храм изображен на ней с южной стороны. Особый интерес вызывает пятишатровый придел у юго-западного угла

здания. Эта архитектурная миниатюра вызывает в памяти знаменитые шатровые храмы XVI—XVII вв.—церковь Покрова на Рву, Борисоглебский собор в Старице, Дивную церковь в Угличе и другие. С западной стороны собора на панораме видна умеренных размеров колокольня. Интересная постройка завершалась с востока северную галерею. Судя по рисунку и сохранившимся частям, это был двухапсидный придел, увенчанный двумя небольшими главками. Южная галерея с восточной стороны завершалась придельной церковкой во имя Трех святителей. Оригинальный столпообразный храм-колокольня находился с северо-западной стороны собора.

Благодаря постановке на подклет основной объем здания (размеры 36X32 м) возносится вверх на 33 м, и окружающая его сравнительно низкая обстройка только подчеркивает его высотность. Стены храма решены в суровом средневековом духе — мощные лопатки членят фасады по вертикали, узкие как бойницы окна темными пятнами выделяются на стенных плоскостях и лишь многочастная лента кирпичного декора под закомарами смягчает строгую одухотворенность архитектурного образа.

Необычно решено внутреннее пространство храма — оно членится только двумя столбами и имеет поперечную ориентацию вместо традиционной ориентации по оси запад — восток. Центральный световой барабан, утвержденный на столбах с помощью системы арок, находится точно над серединой церковного помещения. Такое решение интерьера способствовало активному восприятию восточной стены, особенно если учесть, что алтарь был закрыт многоярусным высоким иконостасом — наиболее важной в художественном и символично-религиозном отношении принадлежностью интерьера.

Двухстолпие предопределило и решение фасадов, поскольку наружные лопатки соответствуют столбам внутри храма. Оригинальная объемная композиция, своеобразие планового решения и необычайность сводчатой конструкции ставят Благовещенский собор на особое место в истории древнерусского зодчества.

Несмотря на то, что здание было построено и даже освящено, многие работы, связанные с внутренней отделкой и украшением нового собора, были далеко не завершены. Только в 1600 г. Благовещенский собор был украшен росписями.

Настенная надпись вязью сообщает о том, что собор был расписан в 1600 г.: «Лета от сотворения мира 7108 (1600)... у Соли Вычегодской на посаде соборный храм каменный Благовещения... начат надписывать внутри и с алтаря и с приделом Иоанна Богослова и с кружалы верхними около храма Благовещения Богородицы настенным письмом московские иконники Федор Савин да Степан Арефиев с товарищи и совершенно того ж лета, августа 29 день, строением и повелением Никиты Григорьева сына Строганова».

Фрески были записаны в XIX в., и в настоящее время о первоначальной живописи можно судить лишь по небольшим расчищенным реставраторами фрагментам. Фрески располагаются по стенам семью регистрами. Основная тема росписи северной и южной стен — сцены из жизни Христа и Богородицы. Западную стену занимает громадная композиция со сценами «Страшного суда». В ней особенно ярко проступает дидактический пафос росписи: рядом с торжественным шествием праведников представлены жестокие мучения грешников. Историческая и художественная ценность сольвычегодских фресок обусловлена не только полнотой сохранившегося ансамбля и качеством его живописи, но и тем обстоятельством, что древнерусские фрески рубежа XVI и XVII вв. сохранились очень плохо.

Внутреннее убранство собора составляли не только стенные росписи, но и богатый резной иконостас конца XVII в., заменивший иконостас более раннего времени. Главные иконы иконостаса выполнены государевыми иконописцами Истомой Савиным, его сыном Назарием и Прокопием Чириним. Многие иконы имеют на обратной стороне надписи, в которых указаны имя заказчика и имя мастера, выполнявшего икону. На иконе с образом царевича Дмитрия надпись: «...лета (7130) 1622 по повелению Андрея Семеновича Строганова писан сей образ государевым иконописцем Назарием Истоминим сыном Савиным». Строгановы щедро украшали иконы позолоченными и серебряными венцами и окладами, драгоценными камнями и жемчугом. Икона с царевичем Дмитрием была одной из самых дорогих — венец над ликом царевича, сделанный из золота, весил два фунта, кроме того, икону украсили еще 479 зерен самого крупного жемчуга. В 1842 г. украшения с иконы были похищены.

Строгановы делали богатые вклады в Благовещенский собор: иконы, церковные сосуды, кресты и т. д. Когда в 1826 г. составлялась опись церковных украшений собора, то в ней перечислялись: серебряные большие и малые венцы (515), жемчуг «бурмыцкий в зернах (18 120), драгоценные камни (1356), один золотой венец, жемчужные плоские (148), перламутровые камни (83), а также множество медных и «белого железа» позолоченных вещей, золотых и серебряных церковных сосудов. Наряду с изделиями ювелирного мастерства великолепие интерьера способствовали разнообразными произведениями строгановского шитья. В вотчинах Строгановых с конца XVI в. существовали мастерские, в которых искусные вышивальщицы создавали замечательные пелены, покровцы, плащаницы, одежды для священнослужителей и другие изделия для богослужебных целей.

В XIX в. один из северных историков писал: «У кого здоровые легкие и есть несколько мужества, кто не боится спертова воздуха и глубокого мрака, тот может спуститься и в нижний этаж собора». Наличие потайных ходов в Благовещенском соборе способствовало возникновению множества легенд о существовавших якобы в подвалах — подклетных помещениях «каменных мешков», в которых Строгановы держали колодников, о разветвленных подземных лазах под Сольвычегодском. Неоднократное техническое обследование собора в начале XX в. подтвердило, что ходы внутри стен храма, в его апсидах и северном приделе имели определенную систему. Кроме того, потайные ходы вели из верхней части собора в подцерковье.

Каменные подвалы собора казались Строгановым надежным хранилищем для накопленных богатств. В 1611 г. благовещенские подцерковье и подпапертные места поделили «меж себя полюбовно» Андрей и Петр Строгановы (сыновья Семена Иоанникиевича). Андрею досталось подцерковье под приделами Козьмы и Демьяна, подпапертные места от Козьмы и Демьяна до Трех святителей и два кружала (апсиды), а Петру — подцерковье под Тремя святителями и одно кружало под папертью до западной лестницы. Далее шли владения другого представителя клана — Максима Строганова. Однако и мощные стены не спасли потаенные строгановские богатства от разграбления. В 1691 г. имущество покойного Андрея Строганова было сложено в ка-

менной палатке, переписано и опечатано. Скоро выяснилось, что вещи из подцерковья таинственно и бесследно исчезают. Когда же протопоп Андрей Барашков попытался дознаться, каким образом воров удается проникнуть в собор, кое-кому это не понравилось — на протопопа напали и закололи рогатиной. Только в январе 1697 г. был пойман Данилка Кулаков, который после допроса «с пытки» сознался в злодеянии и воровстве, выдал сообщников, а заодно какие вещи и кому были проданы.

В настоящее время в Благовещенском соборе располагаются экспозиции Сольвычегодского музея.

В самом конце XVII в., когда значение Соли Вычегодской как крупнейшего пункта торговли с зауральскими землями, а также центра ремесла и солеварения резко упало, на берегу Вычегды начинается грандиозное строительство. «Иждивением Григория Дмитриевича Строганова» в 1689 г. у Соли Вычегодской возводят стены каменного Введенского собора, который стал главным храмом Введенского монастыря. Основание Введенского монастыря относится к 1565 г., когда была выстроена деревянная церковь Введения и обнесена деревянной же оградой. В конце XVI в. внутри ограды появляются еще две деревянные постройки: надвратная церковь и церковь над колокольней. Документ XVII в. весьма скупо описывал этот небольшой монастырек: «Введенский монастырь, а на монастыре церковь Введения Пречистыя Богородицы теплая, шатровая, с трапезного да с келарскою». Высохшие за многие годы деревянные стены здания, тесовые крыши, деревянное покрытие глав стали в 1658 г. жертвой обширного пожара.

Работы по сооружению нового каменного собора («благословенная грамота» была получена 19 мая 1688 г.), продолжавшиеся с 1689 по 1693 г., по своим масштабам вряд ли уступали строительству Аники Строганова. По мере того как росли стены здания, украшались его фасады, все необычнее, все диковиннее казался сольвычегодцам его облик. Поговаривали, будто чертежи его были изготовлены по заказу Григория Строганова «у немец» в Голландии, да и среди мастеров, высекавших из глыб белого камня изящные и причудливые детали, тоже были иноземцы. Работы шли споро, над кирпичными сараями все время курились дымки, здесь обжигали кирпич, не только обыкновен-

ный — брусковый, но и фигурный; в кузницах ковались длинные и тяжелые железные связи — для нового собора их требовалось немало, камнетесы заготавливали детали украшения окон, капители (венчающие части) для колонн, метили их особыми знаками, чтобы потом быстро собрать и закрепить. Для украшения строившегося храма в большом количестве изготовлялись орнаментальные керамические плиты — изразцы. (Остатки изразцового производства были обнаружены в 1961 г. вблизи Сольвычегодска). На храмовых работах трудилось более 400 рабочих. Наиболее сложные детали убранства делались в Москве, а к Соли Вычегодской привозились в ящиках, обитых войлоком.

Введенский собор и поныне главенствует над невысокой застройкой каменных и деревянных зданий города. Огромная масса его, хорошо обозримая со всех сторон, издали кажется могучим монолитом, покоящимся на широком цоколе столь же мужественных пропорций. И только подойдя ближе, убеждаешься в том, что первое впечатление не только неполно, но и неверно. Кажущиеся суровость и единообразие пропадают. Здание раскрывается как удивительно многосложный, предельно насыщенный пластикой, цветом, резным узорочьем ансамбль. Глаза разбегаются от разнообразия декора на фасадах, великолепия мастерски исполненных деталей, необычности для древнерусского зодчества форм. Захватывает неотразимая своей праздничной мощью, стихийной мажорностью и жизнеутверждающей силой архитектурная панорама, в которой органично переплетаются элементы, традиционные для древнерусского зодчества, и элементы западноевропейские.

Собор поставлен на довольно высокий подклетный этаж. Этот прием позволил зодчему решить нелегкую задачу: придать гигантской массе храма энергично выраженную устремленность вверх. Удачно найденные спокойные пропорции верхней части храма, два яруса широких оконных проемов, изящное кружево декора, легкие главы на многогранных барабанах еще более усиливают это впечатление.

За обилием и пышностью украшений не исчезает мудрая простота планового и конструктивного каркаса, лежащего в основе архитектурного организма. Посмотрим на план собора. Главное, что обращает на себя внимание в первую очередь,— строгая симметрия построения и расположения основных объемов: храм, гале-

рея, лестница и крыльцо словно нанизаны на одну ось. Благодаря этому сразу становится ясным и план собора, и взаимоотношение архитектурных масс, и ведущая роль центрального объема.

Ажурная двухэтажная галерея, охватывающая храм с трех сторон, первоначально была открытой. Зрительно это очень облегчало нижнюю часть здания, благодаря чему верх словно парил над легкой двухъярусной аркадой. Обычных в таких случаях приделов, завершающих галерею с юго-востока и северо-востока, в соборе нет. Далеко выдвинутый на восток алтарь уравнивается богато орнаментированным крыльцом в западной части здания, в общей композиции которого отчетливо читается сдвиг основного объема к востоку. Это делает собор особенно красивым с севера и юга, ибо заставляя видеть в нем подобие великолепно украшенного корабля. Уподобление храма готовому отправиться в путь кораблю нередко встречается в древнерусской литературе.

Главное внимание строитель храма (его имя пока неизвестно) уделил объемно-пространственному решению центральной части. Внутри здание не имеет обычных для древнерусского храма такого размера опор. Их отсутствие решительно меняет интерьер, он просторный, высокий, светлый, близкий по своему характеру многим другим постройкам конца XVII в. (Рождественская церковь в Н. Новгороде, Успенский собор в Рязани, ряд храмов в Поволжье).

Храм перекрыт сводом усложненной конструкции, представляющим комбинацию сомкнутого четырехлуккового свода с врезанными по главным осям здания распалубками. Благодаря этому распалубки образуют крестообразную фигуру, облегчающую нагрузки на центральные прясла стен. Крест из распалубок, осеняя внутреннее пространство, обретает и символический смысл. Для погашения распора сводов стены храма с внутренней стороны, а также западные углы с внешней стороны и отрезки алтарных стенок на востоке укреплены мощными пилястрами — выступами.

Свод над боковыми компартиментами прорезан четырьмя проемами, над которыми поставлены восьмигранные световые главы. Распалубки и пять световых барабанов делают сводчатую конструкцию не только легкой и пространственно выразительной, но и функционально и конструктивно оправданной, поскольку возвращают боковым барабанам их первоначальное назначе-

ние — световых проемов, а кроме того, облегчают нагрузку на центральные части и рационально ее распределяют.

Украшением интерьера является семиарусный иконостас великолепной работы. Сохранилось и имя мастера. Изготовил иконостас московский резчик Григорий Иванов «со товарищи» (с артелью резчиков) в 1693 г. Иконы для этого иконостаса писал в 1693 г. один из даровитых строгановских иконописцев Степан Нарыков, который обучался за границей.

Декор фасадов не связан с внутренним пространством. Карниз, делящий фасады на два яруса, фигурный парапет в завершении здания, приставные колонки в каждом ярусе организуют фасады, а белокаменная резьба — подлинный шедевр архитектурного декора, тонкие плетения растительных мотивов на фоне кирпичных стен, разорванные фронтоны над окнами, многоцветные изразцы создают великолепную декорацию на уровне самых высоких свершений древнерусского искусства. Ни один собор архангельского Севера не украшен столь щедро и разнообразно, и при этом многообразии декоративных элементов не создает живописного беспорядка. Декор очень рационально распределен по фасадам. Строгая симметрия их организации в сочетании с исключительным мастерством исполнения каждой детали делают фасады собора при всей пышности украшений спокойными и уравновешенными.

В обильном применении барочных элементов сказались, конечно, влияние западноевропейской культуры. Но русские зодчие сумели очень своеобразно использовать новые для них мотивы, переосмыслив их в соответствии с собственными эстетическими представлениями. Этот памятник архитектуры является последним значительным событием в строительной истории древнего северного города.

Каменную колокольню построили рядом с собором, у его северо-западного угла, в XVIII в. Колокольня была немного ниже собора, низ ее был четырехугольным, выше поднимались два каменных восьмерика. На колокольне находились часы с боем. В ярусе звона висело восемь колоколов; известно, что два из них — 36 и 70 пудов весом — были местной работы, а колокол в 170 пудов подарен архиепископом Устюжским и Тотемским в 1750 г., о чем свидетельствовала отлитая на нем надпись.

Введенскому собору не везло. В XVIII в., как сообщал А. Соскин, «в непогоду» рухнули все пять глав собора вместе с крестами, и при падении эта огромная тяжесть испортила декоративные детали фасадов. Ночью 20 декабря 1883 г. от сильного ветра на своды упал крест весом в 37 пудов.

Во второй половине XIX в. Введенский третьеклассный мужской монастырь представлял собой широко разветвленный комплекс. В него входили шесть каменных церквей, включая Введенский собор, а также каменные помещения келий, хлебопекарни и скотного двора.

В XVIII в. у Соли Вычегодской строятся еще несколько каменных церквей, но они уже не могли превзойти ни монументальности и мощи Благовещенского собора, ни оригинальности конструктивных и декоративных решений Введенского.

Благовещенский и Введенский соборы — это не просто два выдающихся в художественном отношении памятника, в разное время появившиеся на сольвычегодской земле. Ценность их и в том, что они олицетворяют собой два крупнейших этапа в развитии каменного зодчества, две эпохи — Московскую Русь XVI в. и Россию эпохи Петра I.

В. Булкин
О. Овсянников